

«А благородство моё во мне унывает...»: Какой из четырех Евгениев настоящий?

<https://doi.org/10.34739/clit.2021.15.07>

“And my Nobility in me is Hanging Head...”:
Which of the Four Eugenes is True?

The article is devoted to the analysis of four characters named Eugene (heroes of A. Kantemir' satire, A.E. Izmailov's novel, A. Pushkin's *Eugene Onegin* and *The Bronze Horseman*), represents the initial stage in the evolution of the semantic halo of this name in Russian literature, through an onomastic prism. The study is based on a matrix that takes into account the interaction of components that make up the semantic core of the concept of "nobility": nobility of the family, adherence to external decorum, high moral qualities. The main point was to check in Russian literature for "true Eugene", possessing all the signs of nobility, genetic, external, internal. The answer turned out to be negative: the semantics of the loss of various components turns out to be a constitutional feature of the semantic halo of the name. Russian literature at the initial stage of the development of "Eugene's plot" was more likely to move away from the semantics of the name, fixing the absence of nobility in the "noble", differently approaching the description of this phenomenon. Four heroes were involved in a united plot of the evolution of the semantic halo of the name - processing from satire to tragedy.

Keywords: Semantic Halo of the Name, Eugene, Nobility, A. Kantemir, A. Izmailov, A. Pushkin, *Eugene Onegin*, *The Bronze Horseman*

Выбор имени героя – ключевой момент в создании произведения. Это выбор направления движения в соответствии с существующим семантическим ореолом или вопреки ему. Об эволюции ономастической традиции в отношении имени Евгений (в переводе с греческого «благородный») и пойдет речь в статье.

Что значит «благородный»? *Словарь русского языка XVIII-го века* дает такое определение: «1. Родовитый, знатный;

принадлежащий к дворянскому сословию. 2. Обладающий высокими нравственными качествами. 3. Исполненный вкуса, изящества»¹.

Эти три основных компонента – принадлежность к дворянству, высокие нравственные качества, соблюдение внешнего декорума – и станут путеводной нитью при интерпретация образов героев сквозь ономастическую призму. Как отношения внутри этой тройки признаков сказываются на развитии образов персонажей? Какой из компонентов считать самым важным? И если компоненты вступают в конфликт – может ли такой Евгений считаться «настоящим», т.е. носителем идеи благородства, или он «анти-Евгений»?

Мы выбрали четырех Евгениев XVIII-го – начала XIX-го вв., представляющих начальный этап эволюции семантического ореола этого имени в русской литературе: из 2-й сатиры Кантемира, из романа А.Е. Измайлова и двух Пушкинских. Не все они одинаково популярны среди исследователей (и тем более читателей): двум Пушкинским повезло больше, Измайловскому меньше всех. Впервые эти четыре персонажа сведены вместе Ю.М. Лотманом в комментарии к *Онегину*².

Евгений из второй сатиры Кантемира (На зависть и гордость дворян злонравных)³

¹ *Словарь русского языка XVIII века*, Ленинград 1984-1991, <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> [дата доступа: 20.09.2020].

² Ю.М. Лотман, *Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя*, [в:] Ю.М. Лотман, *Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990*, Санкт-Петербург 1995, <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/lot/lot-472-.htm?cmd=p> [дата доступа: 25.09.2020].

³ Детальное сравнение Кантемировского и Пушкинского Евгениев, как ни странно это может показаться, не привлекало внимания исследователей. В комментарии Ю.М. Лотмана содержится лишь констатация повтора имен: «Имя “Евгений” воспринималось как значимое и было окружено ярко выраженным смысловым и эмоциональным ореолом. Начиная со второй сатиры А. Кантемира, Евгений (греч. “благородный”) – имя, обозначающее отрицательный, сатирически изображенный персонаж, молодого дворянина, пользующегося привилегиями предков, но не имеющего их заслуг» (Ю.М. Лотман, *Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя* в: Лотман Ю. М., *Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990*, Санкт-Петербург 1995, <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/lot/lot-472-.htm?cmd=p> [дата доступа: 25.09.2020]. В монографии Ю.К. Щеглова *Антиох Кантемир и стихотворная сатира* (Санкт-Петербург 2004) содержится около двух десятков упоминаний пушкинского романа, но аспект семантического ореола имени и сравнения двух персонажей сквозь ономастическую призму в книге отсутствует. Так что приходится признать, что впервые многочисленные разноаспектные параллели кантемировского Евгения и его тезки Онегина рассмотрены в наших работах. См., например, О.Л. Довгий,

Он не только родоначальник племени щеголей и петиметров в русской литературе; от него ведут начало все русские литературные Евгении. Кантемир выступает как законодатель ономастической моды и создает традицию вынесения имени в заглавие, тем самым поднимая категорию благородства до ключевой. Фактически в название произведения взят семантический оксюморон (злонравие благородных), указывающий на оппозицию внутри основных компонентов значения имени.

Именно Кантемир задает стратегическую матрицу, своего рода «анкету», которую мы будем использовать при анализе:

- 1) наличие/отсутствие «семантического теста» (объяснение выбора имени, употребление слова «благородство» в отношении героя);
- 2) в сфере благородства генетического – наличие/отсутствие древнего рода, стремления продолжать делами славу предков;
- 3) в сфере благородства поведения – наличие/отсутствие баланса между соблюдением внешнего декорума и нравственных приличий.

«Семантический тест». Имя Кантемир выбрал сознательно. Идея благородства лежит в основе сатиры. В примечании Кантемир определяет иерархию среди компонентов понятия «благородство»: «Намерение сей сатиры есть обличить тех дворян, которые, лишены будучи всякого благонравия, одним благородием хвастают, и к тому завидят всякому благополучию в людях, кои чрез свои труды из подлости в знатную степень происходят... Филарет и Евгений – два подложные имена, которых первое на греческом языке изображает *любителя добродетели*, а другое – *дворянина*»⁴.

Сатира написана в форме диалога между Евгением и его оппонентом Филаретом. Речам Филарета отведено гораздо больше места, и его точка зрения на образ жизни Евгения (абсолютно сатирическая) часто принимается за авторскую.

Сатиры Кантемира как код русской поэзии: Опыт микрофилологического анализа, изд. 2, исправ. и доп., Тула 2018.

⁴ Сатиры Кантемира цит. по: А. Кантемир, *Собрание стихотворений*, Ленинград 1956, <https://rvb.ru/18vek/kantemir/toc.htm> [дата доступа: 25.09.2020].

«Изящество манер», соблюдение внешнего декорама.

Для Евгения именно этот пункт является доказательством истинного благородства. Вот его правила:

Позднее вставание с постели:

...а ты под парчою,
Углублен мягко в пуху телом и душою,
Грозно соплешь, пока дня пробегут две доли.

Питье кофе:

Тянешься уж час-другой, нежишься, сжидая
Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая.

Умение со вкусом одеваться, причесываться:

Не столько стало народ римлянов пристойно
Основать, как выбрать цвет и парчу и стройно
Сшить кафтан по правилам щегольства и моды.

Из постели к зеркалу одним прыгнешь скоком,
Там уж в попечении и труде глубоком,
Женских достойную плеч завеску на спину
Вскинув, волос с волосом прибираешь к чину...
Дивится тому строению племя
Тебе подобных; ты сам, новый Нарцисс, жадно
Глотаешь очми себя.

Умение танцевать:

Игра в карты
Из рук ты пестрых пучки бумаг не спускаешь.

Умение расточать, делать долги:

И мечешь горстью твоих мозольми и потом
Предков скопленно добро. Деревня за скотом
Не первая уж пошла в бережную руку.

Куртуазность

Часто любишь опирать щеки на грудь белу,
В том проводишь прочий день и ночь почти целу.

Нелюбовь к учению, к службе

Но те, что стенах твоей на пространной салы
Видишь надписи, прочесть труд тебе немалый.

Зевание

Зевнул, растворил глаза, выпался до воли.

Некоторые из этих пунктов дублируются в разделе нравственных качеств и служат маркерами «анти-Евгения». Про «племя подобных» сказано не случайно: в едином тексте сатиры щеголей немало. Во второй сатире Кантемир подробно опишет жизненные правила Евгения, а в первой даст их лаконичный анонс:

Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы,
Тому уж и в самые молодые леты
Всякая высша степень – мзда уж невелика,
Семи мудрецов себя достойным мнит лика.

Это канон комильфо, который не изменится до Онегина и дальше. Но он дан в монологе Филарета, т.е. сразу откровенно сатирически. И этот сатирический отблеск навсегда останется в русской литературе на описаниях светских приличий.

Благородство генетическое

Евгений очень хорошо знает историю своего рода и гордится ею:

Знатны уж предки мои были в царство Ольги
И с тех времен по сих пор в углу не сидели
Государства лучшими чинами владели.
Рассмотри гербовники, грамот виды разны,
Книгу родословную, записки приказны:
С прадедова прадеда, чтоб начать поближе,
Думного, наместника никто не был ниже.

Евгений считает, что почет и уважение должны доставаться ему просто по праву рождения. Когда этого не происходит, сокрушается

даже не Евгений, а его одушевленное благородство:

А благородство мое во мне унывает
И не сильно принести мне никакой польги.

Филарет оспаривает взгляд Евгения на благородство рождения как пожизненную гарантию жизненных благ. Приятели говорят о разных компонентах значения слова «благородство»: Евгений в принципе о древности рода, а Филарет вводит антитезу между генетическим и нравственным:

Разнится – потомком быть предков благородных
Или благородным быть.

Подробно объясняя приятелю, почему он не имеет права обижаться, Филарет переводит разговор в область моральную. Кто же устоит перед таким сатирическим аргументационным напором:

Буквы, к нашим именам приданные, злости
Наши не могут прикрыть; а худые нравы
Истребят вдруг древния в умных память славы,
И, чужих обнажена красных перьев, галка
Будет им, с стыдом своим, и смешна и жалка.

Но тщетно имя оно, ничего собою
Не значит в том, кто себе своею рукою
Не присвоит почесть ту, добыту трудами
Предков своих. Грамота, плесенью и червями
Изгрызена, знатных нас детьми есть свидетель -
Благородными явит одна добродетель.

Филарет приводит множество примеров низких моральных качеств приятеля. Среди пьянства, сластолюбия, страсти к игре, непригодности ни к одной службе и жестокость к слугам:

Бедных слезы пред тобой льются, пока злобно
Ты смеешься нищете; каменный душою,
Бьешь холопа до крови, что махнул рукою
Вместо правой – левою.

Столкнулись два отношения к имени, возникла оппозиция: «имя должно работать на носителя / носитель должен работать на имя».

Филарет подчеркивает, что отсутствие высокой нравственности у потомков вредит и памяти предков, отправляя их былую славу в область забвения:

Забята крови твоей и слава и древность,
Предков к общества добру многотрудна ревность...

Так Кантемир выявляет конфликт между двумя составляющими семантического ореола имени.

Мотив утраты памяти звучит в речах обоих персонажей, но направление мыслей у них разное. Евгений просто сокрушается о прерванной линии памяти, а Филарет ищет виноватого – и легко находит: разумеется, это сам Евгений, утративший внутреннее благородство и не желающий поддерживать делами доброе имя предков. Точка зрения Филарета, безусловно, побеждает. По Филарету, Евгений не достоин своего имени – он «анти-Евгений».

Тема предков в сатире одна из главных: и дальних (от «царства Ольги») и ближних (умерший «батюшка», «государства правое плечо» и «мать», которая на момент диалога «здорова»). А будет ли потомство у Евгения? Не прекратится ли на нем славный род и не канет ли в забвение?

В словаре Н.Ф. Остолопова со ссылкой на Аристотеля есть рассуждения о том, что сатира и трагедия родились из одного корня, «Трагедия... одно происхождение имела с сатирою»⁵, «Греческая сатира как представление театральное составляла средину между Трагедией и древней Комедией»⁶, а римскую сатиру автор описывает как «род сочинений, где всякая всячина могла находиться»⁷. Для сатир Кантемира это справедливо в высшей мере: от них идут пути не только к комедиям (именно эту линию подхватит и будет развивать русская литература), но и к трагедии. Короткий монолог Евгения обычно не берут в расчет, он заглушен и засвечен критическими речами Филарета. А меж тем мотив утраты в нем – ключевой. Лотман увидит «семантику утраты» у Евгения *Медного всадника*⁸, но она берет начало уже у Кантемира. Начиная с Кантемира, она

⁵ Н.Ф. Остолопов, *Словарь древней и новой поэзии*, ч. III, Санкт-Петербург 1821, с. 65.

⁶ *Ibidem*, с. 66.

⁷ *Ibidem*, с. 67.

⁸ Ю.М. Лотман, *Роман...*, *op. cit.*

полноправно входит в семантический ореол имени и вряд ли может быть исчерпана средствами сатиры.

Итак, Кантемир задал семантический ореол имени Евгений. Его основная направленность – антитетическая: компоненты, составляющие ядро ореола, вступают в конфликт: по знатности рода и соблюдению внешнего декорума, он самый «настоящий Евгений», благородный, а по нравственным качествам «анти-Евгений». «Дворянин, потерявший благородство», – в чеканной формулировке Лотмана⁹.

«Племя тебе подобных» – эта формула могла бы стать заголовком статьи: племя Евгениев, уже именем «обреченных» на благородство. Как российские литературные наследники Кантемировского Евгения справляются с этим семантическим бременем¹⁰?

Евгений Негодяев (А.Е. Измайлов *Евгений*, или следствия пагубного воспитания и сообщества)

Этот Евгений уже в сочетании имени и фамилии несет оксюморон; от начала и до конца он «сатирическая маска», откровенно ориентированная на традицию; в первую очередь – на Кантемира.

Роман Измайлова нельзя отнести к известным сочинениям – поэтому мы позволяем себе многочисленные цитаты из него. Линии влияния от этих цитат (и назад, к Кантемиру, и вперед, к Пушкину) видны невооруженным глазом, и мы их здесь не отмечаем. Роман достоин отдельного разговора.

«**Семантический тест**». Отношения Измайлова с традицией развиваются в сторону усиления сатирического звучания. Имя выбирается сознательно, но в силу необразованности родителей, совсем не по семантическим признакам:

⁹ *Ibidem*.

¹⁰ География «племени», ведущего родство от Евгения Кантемира, не ограничивается русской литературой. В недавнем докладе на молодежной конференции в Таллинне Е.С. Петрова привела убедительные аргументы в пользу связи двух Евгениев Стерна и Евгения Кантемира. См: Е.С. Петрова, *Трансформация образа Евгения из II-й сатиры А.Д. Кантемира*, [в:] *Сборник тезисов участников конференции молодых филологов*, Таллинн 2020, с. 14-15.

Через полтора года своего замужества произвела она на свет сына, которого назвала Евгением, именем одного Гвардейского офицера, весьма любезного и знающего свет человека, который ей всегда делал компанию¹¹ [ч. 1, с. 3].

Слово «благородство» в романе употребляется очень часто. Евгений по признаку знатности рода проходит в «благородные» – но с большой натяжкой, о чем сказано с откровенной насмешкой:

Мать Евгения очень помнила то, что была придворная двора, что была богата и знала не хуже своего мужа, что он в ранге сухопутного Майора... [ч. 1, с. 3].

Евгений одновременно лишается обоих родителей, о чем нимало не жалеет:

Получил нечаянно приятное от своей матушки Татьяны Ивановны письмо, в котором она уведомляла, что его батюшка, а его супруг Лука Трофимович, диктовавши Егорке исковое прошение, лишился незапно языка и через несколько часов жизни. – Чувствительные наследники! Вы только можете себе представить, что происходило в сердце Евгения. Немедленно отпросился он в отпуск и взявши с собою друга своего Развратина, поспел с ним в Москву скорее всякого курьера. Приехавши туда в десять часов утра, летит в дом свой... [ч. 2, с. 218].

Евгений разделяет материальное и духовное. Реликвии рода его мало интересуют, а материальные блага – напротив:

Евгеньюшка, похоронивши великолепно свою матушку и взявши с собою все оставшиеся после ней бриллианты и дорогая вещи, так как наличныя деньги и векселя после батюшки, возвратился в Петербург, куда призывали его тогдашняя служба и веселость, прожил в пять лет все что его отец нажил в пятьдесят [ч. 2, с. 219].

Этот «анти-Евгений» на протяжении романа только расточает и проматывает.

¹¹ Роман Измайлова цит. по: А.Е. Измайлов, *Евгений, или пагубныя следствия дурнаго воспитания и сообщества*, Санкт Петербург 1799, ч.1, 1801, ч. 2 с указанием части и страницы в квадратных скобках.

Внешний декорум. Здесь герой Измайлова изо всех сил стремится быть «настоящим Евгением».

Евгений рано понял, что пригодится в свете, и научился разделять знания, как и наставников, на «нужных» и «ненужных». Измайлов подробно описывает, чему и как учился его герой дома, в пансионе, в университете:

Евгению исполнилось шесть лет. Он выучился уже сам собою изрядно резвиться, недурно играть в дурачки и в жмурки со своими подчиненными, жаловался на них и плакал когда хотел. Сего не было ещё довольно для дворянского сына, надобно было ему сыскать наставника [ч. 1, с. 9].

К ненужным знаниям относился закон божий:

Евгений не мог терпеть церковной печати и густой бороды своего учителя. Едва он в три года выучился посредственно читать по руски, и вытверженное им с великим трудом десятословие забыл после того так же легко, как и имя своего наставника [ч. 1, с. 13].

К нужным знаниям относился французский язык. Под руководством наставника-француза с говорящим именем monsieur le Pendard (в буквальном переводе с французского: «тот, кто заслуживает виселицы»):

Евгений выучился несколько лепетать на французском языке, и уже мог на нем называть в глаза дураками тех, которые на нём неразумели [ч. 1, с. 11]. Но если он пренебрегал...те знания, которые в пансионе издавна были в пренебрежении, то старался напротив того приобретать такие, которые уважались не только у них в училище, но и в большом свете... Начавши учение французскаго языка у г. ле-Пандарда, продолжал он оное с большим еще прилежанием у г. Жасмина, знал французское правописание и синтаксис столько же худо, сколько и его учитель; но за столом и на гуляньях лепетал на сем прекрасном языке почти также хорошо, как и он сам [ч. 1, с. 21].

Молодой Негодяев обучался с равною охотою у г. Коверкина танцованию. Он не спускал глаз с г. Коверкина, когда сей показывал ему, как делать лучше па, как кланяться с большею приятностию, как подавать живее руку, как правильнее держать стан свой... [ч. 1, с. 21].

Евгений находился в университете с полгода. В столь короткое время выучился он играть на билиарде и усовершенствовался в познании напитков, также в обращении с женщинами, обращающихся с целым

светом. Таково было его воспитание, стоящее несколько тысяч его родителям [ч. 1, с. 46].

Сатирически тон усиливают наставления матушки Евгения:

Старайся, душинька, иметь вход в лучшие большие дома. Для тебя это будет не трудно: ты одеваешься со вкусом, танцуешь разпрекрасно и знаешь светские обыкновения [ч. 1, с. 49].

Вот как проходит утро Евгения:

Било ли семь? Говорил ему Евгений протирая глаза, зевая и протягиваясь на своей постеле, которой так же как и сладкого сна не хотелось ему столь рано оставить. - Уже около половины осьмаго, и кофей поспел, вот я тебе наливаю, пей скорее, пока не простыл [ч.2, с.83]. ...Андрюшка камердинер по приказанию своего барина обул его и надел на него пудер мантиль. Евгений вышел в уборную, сел на стул перед своим туалетом, начал чесаться и дремать ... [ч. 2, с. 84].

Въезжая в Петербург, Евгений мечтает:

Фраков хоть много и все хороши, однако велю сшить полдюжину новомодных... Запишуся в танцовальный клуб... [ч. 1, с. 143].

1 января 1791 Евгения произвели в офицеры.

Не можно достаточно изобразить того, сколько ему нравился офицерский мундир. Он цаловал многократно золотые позументы, которыми была обложена сия прелестная одежда и влюбленный в нее столь же много как Нарцисс был в красоту свою, не отходил почти прочь от зеркала так, как тот от прозрачного ручья [ч. 2, с. 137].

Евгений полностью повторяет все пункты кантемировского канона: позднее вставание с постели, питье кофе, долгие часы перед зеркалом, тщательное одевание, невозможность без помощи слуги обуться, танцы, карты, вино, доступные женщины. Добавлен французский язык. Не забудем и сравнение с Нарциссом, отмеченное уже у Кантемировского Евгения. Так что перед нами был бы самый «настоящий Евгений», если бы все это не перечеркивалось постоянным повтором, что все он делает для того, чтобы попасть в большой свет.

А что в области нравственной? Здесь мы забываем, что герой – Евгений, но зато помним, что он – Негодяев. Постоянный обман, долги, отлынивание от службы... Сомнений нет – это «анти-Евгений».

Безусловным отголоском сатиры Кантемира – причем откровенно сатирическим –звучат диалоги Евгения и его приятеля. Один из них касается благородства. Человек с говорящими именем и фамилией (Петр Развратин) вдруг решает выступить в роли поборника нравственности. Приведем этот диалог – в нем, по сути, раскрываются две точки зрения на то, что считать благородством; сталкиваются разные составляющие семантического ореола имени:

- Правда вчера я заметил что ты приехавши сюда в дом, сделался вдруг *de mauvaise humeur*...да позволь тебе сказать, что ты и был очень неловок, очень *gauche*. Это оттого, что ты не знаешь обходиться, не имеешь *connaissance du monde*.

- Что такое понимаешь ты под *connaissance du monde*? Ежели под знанием света под обхождением разумеешь ты знание странных обрядов и тысячи мелочей, вошедших в употребление у так называемых светских людей, то я не знаю света, не умею и не хочу так обходиться. Тому, кто умеет размышлять, нет надобности ненатурально изгибаться и подражать кривляниям выпускной куклы; тому, кто умеет с особенным искусством изъяснять свои мысли, нет надобности произносить некстате множество странных слов, не заключающих в себе никогда ни малейшей остроты и часто самого смысла; тому, кто умеет поступать по правилам божественной Философии, нет надобности уметь поступать по правилам смешной моды. Ежели же напротив того под знанием света разуметь, как действительно разуметь надлежит, знание различных свойств, склонностей, характеров, нравов людских и достаточно имея об оных понятие, искусство нравиться людям, соблюдая правила благопристойности и вежливости, то я знаю свет, потому что я знаю довольно нравы, страсти человеческие и приспособляться к оным, знаю, в чем состоит истинная благопристойность и учтивость. Человек, которому известны совершенно нрав и страсти другого, может легко ему понравиться. Истинная благопристойность запрещает оказывать явное презрение к человеку, каков бы он ни был, а особливо незнакомому...; многие из мнимых светских людей не вменяют себе в погрешность против благопристойности прервать не к стате речь того, который им что-нибудь говорит или во все его не слушать... [ч. 2. с. 29].

О конце жизни Евгения Измайлов говорит скороговоркой:

Вошел в неоплатные долги, хотел поправить свое состояние выгодно женитьбою, посажен был по просьбе своих заимодавцов в Магистрант, занемог там горячкою и скончался на 24 году от рождения, имея уже чин Поручика гвардии [ч. 2, с. 220].

Евгений Измайлова оказался нежизнеспособным и не дал продолжения роду Негодяевых. По всем трем параметрам это абсолютный «анти-Евгений». Измайлов еще более усиливает и без того сильное сатирическое звучание Кантемировского описания.

Евгений постоянно что-то утрачивает: деньги, уважение в обществе, верность любовницы, родителей, а потом и саму жизнь – но и об утратах его Измайлов говорит в сатирическом тоне. А благородство в семантическом ореоле имени все более «унывает».

Дальше речь пойдет о двух пушкинских Евгениях.

Евгений Онегин

На вопрос, кто начинает линию Евгениев в русской литературе, большинство респондентов уверенно отвечают: «Онегин».

Настоящий он – или «анти-Евгений»?

– Знаком он вам? – И да и нет¹².

«И да, и нет» – это, наверное, самый подходящий ответ на вопрос. «Противоречий очень много» – эту формулу можно поставить эпиграфом к разделу об Онегине. Она относится и к семантическому ореолу имени.

«Семантический тест». У Пушкина нет случайных имен. «Я думал уж о форме плана и как героя назову» – по Лотману, это относится к герою длинной поэмы, обещанной читателю в LIX строфе¹³, но и к имени Евгений это относится тоже. Пушкин остановился на имени, обладающем сильным сатирическим

¹² *Евгений Онегин* цит. по: А.С. Пушкин, *Евгений Онегин*, [в:] А.С. Пушкин, *Собр. соч. в 10 т.*, т. 4, Москва 1962, <https://rvb.ru/pushkin/01text/04onegin/01onegin/0836.htm> [дата доступа: 10.09.2020].

¹³ Ю.М. Лотман, *Роман...*, *op. cit.*

ореолом. Развивать ореол в сторону усиления сатиры вряд ли было Пушкину интересно: «Где у меня сатира? о ней и помину нет в “Евгении Онегине”. У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатиры. Самое слово сатирический не должно бы находиться в предисловии»¹⁴.

По благородству происхождения, принадлежности к высшей знати, Онегин, безусловно, «настоящий Евгений». Правда, в отношении заслуг предков он «порядка враг и расточитель». Он легко предоставляет наследство отца, служившего «отлично-благородно» «жадному полку заимодавцев»; но и отец «давал три бала ежегодно и промотался наконец», оставив сыну одни долги. Вот она, генетическая дорожка от мота Евгения Кантемира до отца Онегина.

С пунктом внешних приличий, кажется, проще всего: первая глава – полное доказательство наличия у Евгения благородства по этому признаку. Он в точности воспроизводит канон комильфо, которому следовали Евгений Кантемира и Измайлова:

Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

Но этот внешний декорум требует принятия вызова на дуэль; и слово «благородство» здесь не случайно:

То был приятный, благородный,
Короткий вызов, иль картель:
Учтиво, с ясностью холодной
Звал друга Ленский на дуэль.

Сталкиваются два компонента понятия «благородство»: с точки зрения внешних приличий, вызов составлен «благородно», по всем правилам и не принять его – значит нарушить декорум.

¹⁴ А.С. Пушкин, *Собр. соч. в 10 т.*, т. 9, <https://rvb.ru/pushkin/tocvol9.htm> [дата доступа: 10.09.2020].

А с точки зрения нравственности, согласиться – значит, участвовать в убийстве. Разные компоненты значения слова «благородство» актуализируют разные варианты поведения.

Благородным находит поведение Онегина и Татьяна:

Но вас
Я не виню: в тот страшный час
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

Возможно ключом к отношениям Онегина с ономастической традицией может стать вопрос: «Уж не пародия ли он?» Пародия на что? В числе прочего – и на тот сатирический образ Евгения, который знала русская литература.

Семантика утраты с Онегиным неразрывна. Он живет в режиме постоянного утрачивания: родных (отца и дяди), времени, денег, уважения соседей, друга, Татьяны. «Без друга, без жены, без дел» – его ключевой мотив.

И наконец сам оказывается утраченным:

...И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда.

Онегин – наследник и Кантемировского, и Измайловского Евгениев («Онегин – Негодяев» – игра видна даже на уровне фонетики), но наследник, идущий собственной дорогой, которая все дальше удаляется от сатиры. Пушкин отказывается от сатирического описания героя и заменяет его ироническим. Именно ирония и создает множественность интерпретаций и делает невозможным решение о правильности какой-то из них.

«Настоящий» ли он Евгений? Вопрос дискуссионный именно в силу невозможности дать определенный ответ ни по одному из пунктов. Евгений Онегин – персонаж, о котором спорят до сих пор на уроках литературы. И в числе самых обсуждаемых вопросов – благороден ли он, «положительный» или «отрицательный» он герой.

Так Пушкин, сменив тон описания, задал русскому читателю загадку. Разгадывать ее начали сразу разными способами, в том числе и с помощью пародий с упоминанием имени. Самая известная – «Евгений Вельский», где имя вынесено в заглавие (как у Кантемира и Пушкина). Известная сатирическая формула Н. Надеждина «Для гения мало создать Евгения» тоже построена вокруг имени. А герой не дает себя расшифровать, укрывается за свою водную текучую фамилию.

Евгений Медного всадника

Семантический тест. Пушкин сам устанавливает связь между двумя своими героями с именем Евгений.

Мы будем нашего героя
Звать этим именем. Оно
Звучит приятно; с ним давно
Мое перо к тому же дружно...¹⁵

Этот Евгений замыкает нашу цепь.

Слово «благородство» ни разу не употреблено применительно к нему. Он не помнит своего древнего имени – и он его лишен:

Прозванья нам его не нужно,
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто...

Древнее славное имя «забыто»; его просто «не нужно» – вот завершение пути. Евгений Кантемира сокрушался, что имя забыто, Евгению *Медного всадника* все равно, потому что он тоже забыл своё имя. Потомок благородного рода «живет в Коломне, где-то служит». Хотя – кто знает – возможно, слова «ужо тебе» произносит не

¹⁵ *Медный всадник*, цит. по: А.С. Пушкин, *Собр. соч. в 10 т.*, т. 3, Москва 1960, <https://rvb.ru/pushkin/01text/02poems/01poems/0795.htm> [дата доступа: 10.09.2020].

«маленький человек», а потомок тех, чье имя «блистало под пером Карамзина»?

Мысли, обращенные к Богу, «что мог бы бог ему прибавить ума и денег» интересно сравнить с жалобами Кантемировского Евгения (обошли чином) и Измайловского (ему производство в офицеры нужно для облачения в новый мундир); а прибавить ума не просит ни один из вышерассмотренных героев.

Он не следует правилам внешнего декорума: не танцует, не поет, не играет. Однако он ведет себя благородно: в минуту катастрофы печется не о себе, а о любимой; вызывает на бой «державного кумира».

В отношении к женскому полу – завидная верность, стремление к большой семье. Евгений – единственный из четырех стремится к сохранению рода: мечтает успокоить «Парашу и робят»; а достойным завершением жизни ему видится такое: «и внуки нас похоронят». У него единственного есть мысль о «правильном» развитии событий – и разумеется, ему это не дано. Хоронят его не внуки, а неопределенно-личные исполнители («похоронили ради бога»). «Бог мог бы прибавить ума и денег», а подарил только бесплатные похороны.

Лишь в сфере внутреннего благородства ответ на нашу «анкету» положительный. Должен ли Евгений быть признан «анти-Евгением»? Или ответ «да» в области нравственной должен перевесить все остальные? Вопрос открытый.

Евгения *Медного всадника* можно рассматривать как травестию или «изнанку» (слово Н. Остолопова) сатирической традиции, как ее разрушение. Если, по Ю.Н.Тынянову, пародией комедии может быть трагедия¹⁶, то Евгений *Медного всадника* не есть ли трагическая «изнанка» «сатирического» Евгения Кантемира? Не повторяется ли «фарс» Евгения Кантемира в «трагедии» его тезки из *Медного всадника*?

Итак, мы бросили беглый взгляд на влияние семантической доминанты имени на выбор авторской стратегии в описании четырех персонажей с именем Евгений. Анализ взаимодействия основных компонентов, составляющих семантическое ядро слова

16 Ю.Н. Тынянов, *Достоевский и Гоголь (к теории пародии)*, [в:] Ю.Н. Тынянов, *Поэтика. История литературы. Кино*, Москва 1977, http://az.lib.ru/t/tytjanow_j_n/text_01015.shtml [дата доступа: 10.09.2020].

«благородство», показал, что эти компоненты постоянно вступают в конфликт.

Ответ на основной вопрос нашей «анкеты» (возможен ли в русской литературе «настоящий Евгений»), обладающий всеми признаками благородства, генетического, внешнего, внутреннего) получился отрицательным: семантика утраты разных компонентов оказывается органической составляющей семантического ореола имени. Русская литература на начальном этапе развития «сюжета Евгения», скорее отталкивалась от семантики имени, фиксируя отсутствие благородства в носителе «благородного» имени, по-разному подходя к описанию этого качества.

Имя впервые появилось в сатире, и дальше литературе приходилось взаимодействовать именно с сатирическим изводом. Кантемир, родоначальник всех Евгениев русской литературы, задал антитетический настрой: его Евгений – фактически «анти-Евгений»: идея благородства в его лице подвергнута сатирическому осмеянию. Имя становится «сатирической маской» (Лотман). Тем не менее Кантемировского Евгения не стоит сводить только к этой маске. Кантемир, как всегда, глубже простого осмеяния: его принцип «смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу» в полной мере применим к Евгению, образ которого содержит драматический (а то и трагический) потенциал именно в силу значимости семантики утраты, неразрывной с его образом.

Евгений А. Измайлова – абсолютный «анти-Евгений». Автор продолжает движение по пути, заданному Кантемиром, подвергает своего героя осмеянию и, пожалуй, исчерпывает возможности сатирического освоения имени.

Два Евгения Пушкина выводят разговор на новый уровень. Они взаимодействуют и с уже укрепившейся традицией имени как сатирической маска, и создают новую оппозиционную пару, противостоят друг другу, что усложняет семантический ореол имени.

История четырех Евгениев – история движения от сатиры к трагедии. Четыре персонажа выстроились в единую линию: от двух сатирических Евгениев – к загадочному Онегину, защищенному Пушкинской иронией от всякого конкретного решения – к Евгению *Медного всадника*, лишенному формальных признаков благородства и тем не менее по внутренним качествам самому благородному

и самому трагическому из всех. Все Евгении оказываются последними в роде: благородство угасает и физически.

Почему мы выбрали именно этих героев? Нам представляется, что это первый этап развития семантического ореола имени. Пушкинские Евгении осознают связь с традицией 18-го века. Дальнейшие Евгении уже не будут учитывать традицию Кантемира и тем более Измайлова – с одной стороны, потому, что просто не знают о ней; а с другой – потому, что Пушкин, как с ним постоянно бывает, вобрал в себя эту традицию, ее полностью преобразовал и – как следствие – сделал необязательным упоминание первого поэта, давшего своему персонажу это имя.

Русская литература продолжит поиски «настоящего Евгения». Все дальнейшие Евгении считая, что ведут родство от Онегина, и ориентироваться будут на него.

Могут ли они, удаляясь от Онегина, прийти к Евгению Кантемира? Вполне возможно. Но это будет уже другая история.

Литература

- Довгий О.Л., *Сатиры Кантемира как код русской поэзии: Опыт микрофилологического анализа*, изд. 2, исправ. и доп, Тула 2018.
- Измайлов А.Е., *Евгений, или Пагубныя следствия дурнаго воспитания и общества*, ч. 1-2, Санкт Петербург 1799-1801.
- Кантемир А.Д., *Собрание стихотворений*, Ленинград 1956.
- Лотман Ю.М., *Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя*, [в:] Лотман Ю.М. *Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий*, Санкт-Петербург 1995.
- Остолопов Н.Ф., *Словарь древней и новой поэзии*, сост. Н. Остолоповым, ч. III, Санкт-Петербург 1821.
- Пушкин А.С., *Собр. соч. в 10 т.*, т. 3, Москва 1960.
- Пушкин А.С., *Собр. соч. в 10 т.*, т. 4, Москва 1962.
- Словарь русского языка XVIII века*, гл. ред. Ю.С. Сорокин, Ленинград 1984-1991.
- Тынянов Ю.Н., *Достоевский и Гоголь (к теории пародии)*, [в:] Тынянов Ю.Н., *Поэтика. История литературы. Кино*, Москва 1977.
- Шеглов Ю., *Антиох Кантемир и стихотворная*, Санкт-Петербург 2004.

References

- Dovgij O.L., *Satiry kantemira kak kod ruskoj poèzii: Opyt mikrofilologičeskogo analiza*, izd. 2, ispr. i dop, Tula 2018
- Izmajlov A.E., *Evgenij, ili Pagubnyâ sledstviâ durnago vospitaniâ i soobšestva*, Č. 1-2, Sankt Peterburg 1799-1801.
- Kantemir A.D., *Sobranie stihotvorenij*, Leningrad 1956.
- Lotman Ū.M., *Roman A.S. Puškina «Evgenijonegin»: Kommentarij: Posobie dlâ učitelâ*, [v:] Lotman Ū.M., *Puškin: Biografiâ pisatelâ; Stat'i i zametki, 1960—1990; «Evgenij Onegin»: Kommentarij*, Sankt-Peterburg 1995.
- Ostolopov N.F., *Slovar' drevnej i novoj poèzii*, sost. N. Ostolopovym, Č. III, Sankt-Peterburg 1821.
- Puškin A.S. *Sobr. soč. v 10 t.*, t. 4, Moskva. 1962.
- Puškin A.S., *Sobr. soč. v 10 t.*, t. 3, Moskva 1960.
- Šeglov Ū., *Antioh Kantemir I stihotvornaâ satira*, Sankt-Peterburg 2004.
- Slovar' russkogo âzyka XVIII veka*, gl. red. Ū. S. Sorokin, Leningrad 1984-1991.
- Tynânov Ū.N., *Dostoevskij i Gogol' (k teorii parodii)*, [v:] Tynânov Ū.N., *Poëtika. Istoriâ literatury*. Kino, Moskva 1977.